

УДК 94(47).081

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.15>

Н. А. Трапш
В. Н. Кальниченко
Н. С. Германовская

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ТЕРРИТОРИИ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В 1870-Е ГГ.: ОТ КОНТЕКСТА К ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ

Представленная статья характеризует сложный процесс конфессионального взаимодействия в Области Войска Донского, которая традиционно являлась контактной зоной дифференцированных религиозных групп, в том числе представлявших отдельные направления христианского вероучения. Комплексное изучение широкого круга региональных источников и предшествующей историографической традиции позволило установить, что длительные коммуникационные практики местных конфессий способствовали последовательному формированию общественной толерантности и осознанной веротерпимости, опиравшихся на длительные традиции внутреннего демократизма казачьих сообществ. Толерантная среда детерминировала системное развитие миссионерской деятельности, осуществлявшейся в различных интеллектуальных и организационных формах и вовлекавшей широкий круг заинтересованных лиц различного вероисповедания. Вместе с тем, несмотря на религиозно-конфессиональное разнообразие, официальным статусом обладало только православие, определявшее в большинстве случаев эталонные образцы поведенческих и мировоззренческих стереотипов. Православные иереи активно использовали административный ресурс и общественное воздействие для комплексного достижения миссионерских целей. Значительный интерес представляет и альтернативная интерпретация практической деятель-

ности донских миссионеров, представленная в эпистолярном наследии местных старообрядцев. Отдельное внимание было уделено эпистемологическим особенностям документальных и нарративных источников, отражающих конфессиональное взаимодействие в социальной реальности и второй половины XIX столетия. Структурный анализ рассматриваемых исторических свидетельств, дополненный компаративистскими практиками, позволил установить осознанное исключение аутентичного эмпирического материала, осуществлявшееся в рамках авторской редакции и направленное на искусственное формирование положительного образа православного миссионера. Значительный интерес представляют и представленные результаты текстологического анализа, позволившие отчетливо верифицировать структурные и содержательные особенности миссионерских собеседований, включающие дифференцированные богословские и социальные аспекты.

Ключевые слова: Епархия, старообрядчество, Земля Войска Донского, миссионерская деятельность, раскольники, казачество, православие, безпоповцы.

Для цитирования: Трапш Н. А., Кальниченко В. Н., Германовская Н. С. Миссионерская деятельность на территории области Войска Донского в 1870-е гг.: от контекста к источниковедческому анализу // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С.124–130. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.15

Nikolai A. Trapsh
Vladislav N. Kal'nichenko
Natalia S. Germanovskaya

MISSIONARY ACTIVITIES IN THE TERRITORY OF THE DON TROOPS IN THE 1870s: FROM CONTEXT TO SOURCE ANALYSIS

The presented article characterizes the complex process of confessional interaction in the Don Cossack Region, which has traditionally been a contact zone for differentiated religious groups, including those representing certain areas of Christian doctrine. A comprehensive study of a wide range of regional sources and the previous historiographic tradition made it possible to establish that the long-term communication practices of local confessions contributed to the consistent formation of social tolerance and conscious religious tolerance, based on the long traditions of internal democracy of the Cossack communities. The tolerant environment determined the systemic development of missionary activity, carried out in various intellectual and

organizational forms and involving a wide range of interested persons of various faiths. At the same time, despite the religious and confessional diversity, only Orthodoxy had an official status, which in most cases determined the standard samples of behavioral and ideological stereotypes. Orthodox priests actively used the administrative resource and social influence for the comprehensive achievement of missionary goals. An alternative interpretation of the practical activities of the Don missionaries, presented in the epistolary heritage of local Old Believers, is also of considerable interest. Special attention was paid to the epistemological features of documentary and narrative sources reflecting confessional interaction in social reality in the second half of the 19th

century. A structural analysis of the historical evidence under consideration, supplemented by comparative practices, made it possible to establish a deliberate exclusion of authentic empirical material, carried out within the framework of the author's edition and aimed at artificially forming a positive image of an Orthodox missionary. The presented results of textual analysis, which made it possible to clearly verify the structural and content features of missionary interviews, including differentiated theological and social aspects, are also of considerable interest.

Исследовательская актуальность избранного периода определяется системным расширением миссионерской деятельности «греко-российской церкви» в отношении «глаголемых раскольников». Важно понимать, что объективное наличие значительного числа старообрядцев и других религиозно-конфессиональных групп, значившихся как «раскольники и уклонившиеся от православия», предопределило активную деятельность по целенаправленному преодолению «раскола». Известно, что на территории Земли (Область – с 1870 г.) Войска Донского не существовало отдельной епископской кафедры, соответственно профильные запросы об открытии церквей и сопутствующих духовных задачах осуществлялись через Воронежского и Елецкого/Черкасского архиеерея (1718 – 1829 гг.). Помимо реальной удаленности от вышестоящих церковных властей основной причиной последовательной организации самостоятельной епархии стал «... раскол распространялся невероятной быстротой» [6].

5 апреля 1829 г. открывается Новочеркасская и Георгиевская епархия, первоначально, в состав которой вошла Земля Войска Донского, Черноморская и Кавказскую области. Но «... после нескольких административно-территориальных корректировок Донская и Новочеркасская епархия с 1842 г. стала локально охватывать всю Донскую территорию» [5, с. 72–77]. В контексте указанного обстоятельства необходимо продемонстрировать реальную численную составляющую «раскольников». Как представляется, нельзя абсолютизировать статистические данные, вводимые в оборот в Донском регионе. По справедливому замечанию члена известной комиссии Н.А. Маслаковца К.А. Картушин «всякого рода цифровые, собираемыми станичными и хуторскими правлениями по приказанию начальства ... не имеет статистической ценности» [9, с. 22]. Но в данном контексте критические ремарки К.А. Картушина нацелены на статистические данные социально-экономического характера, представляющие значительный интерес. Следует отметить также и то существенное обстоятельство, что известная проблема, связанная с последовательным определением реальной численности старообрядческого контингента, в настоящее время не решена региональными исследователями с достаточной точностью.

Key words: Diocese, Old Believers, Land of the Don Army, missionary activity, schismatics, Cossacks, Orthodoxy, bezpopovtsy.

For citation: Trapsh N. A., Kal'nichenko V. N., Germanovskaya N. S. Missionary activities in the territory of the don troops in the 1870s: from context to source analysis // Humanities and law research. 2021. No.4. P.124–130. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.15

Согласно сведениям 1863 г. «раскольников разных сект» во всем Войске Донском начитывалось 71 684 чел. обоого пола [111]. В статистическом описании С. Ф. Номикосова в 1882 г. «Раскольники составляют свыше 7 % населения области. А население области составляло 1 424 779 чел. (свыше 90 % православных), а «раскольников и сектаторов» 100 676 чел. Однако, в данное число включены иные религиозно-конфессиональные группы: молокане численностью 924 чел., духоборцев 18, иудействующих 5 и 112 чел., коих исповедание не определяется [14, с. 283]. Значит, старообрядцев «приемлющих священство» – 79 115 и «не приемлющих» – 20 502 чел. (99 617), что показывает увеличение числа «раскольников». Если следовать данным за период 1867–1880 гг. мы можем сказать, что это вызвано естественным приростом населения, который составил 426 008 чел, а это 47,2 %. С учетом погрешности в 5% [14, с. 271].

Применительно к рассматриваемой проблематике следует обратить особое внимание на отдельные статистические материалы, характеризующие реальное состояние «раскола» и миссионерской деятельности в соседнем Кубанском казачьем войске. В 1869 г. «раскольники проживают в 6-ти бригадах, 6-ти полках и 1-м пешем батальоне, между 125,261 человеком, не содержащими раскол. Общее число раскольников ... мужского пола 4221, женского 4365, – всего 8586 человек» [12, л.2].

В отчете 1870 г. представлена следующая картина состояния «раскола»: «в числе сих раскольников мужского пола 4367, женского 4462». «Обращено из раскола в православие» – 19. Из них: 12 чел. представители «приемлющих священства», 3 чел. «не приемлющих священства» и др. Данный документ интересен тем, что в табличном виде представлены основания перехода в «раскол» и обратно. Например, «переходом из других станиц через свадьбу или замужество» – 20 чел., совращение в раскол – 0, переселение к односектатором – 10 и др. [12, л. 2 об.].

В 1868 г. в г. Новочеркасске открывается первое учебное заведение для подготовки священнослужителей – Донская духовная семинария [1, с. 38]. Именно с этого времени начинается профессиональная подготовка духовенства в регионе с целью противопоставить образованность «невежеству и суеверию раскольников». Миссионерская

практика требовала глубокой и всесторонней интеллектуальной подготовки, предполагающей и общую эрудицию, и объективную необходимость постоянных дискурсивных практик богословского характера. Учебный план, равно как и кадровая политика нового учебного заведения учитывали главную целевую задачу – последовательное расширение пастырского противодействия раскольничьей деятельности, осуществляемое разумным сочетанием духовного и административного давления.

В 1871 г. создается миссионерский комитет, в рамках которого осуществляется «просвещение язычников светом христианского учения». Известно, что в 1872 г. в калмыцкие кочевья отправляется преподаватель Донской духовной семинарии для изучения их языка и верований. Митрополит Платон (Городецкий) имея опыт в миссионерской деятельности в 1875 г. «посетил кочевья Донских калмыков и вошел в тесные сношения ... с главою калмыцкого духовенства...» [14, с. 572]. Очевидно, что донские священнослужители активно взаимодействовали с духовными лицами других конфессий, рассматривая прямой диалог как своеобразный инструмент общественной легитимации миссионерской работы. Инородческие сообщества находились в центре внимания официальной церкви, периодически пополняя региональную паству новообращёнными прихожанами.

Необходимо отметить и то существенное обстоятельство, что составной частью миссионерской деятельности является возведение церковных зданий и именно в 1870-е гг. наблюдается заметный скачок. «В 1871 г. – 329, в 1876 г. – 374 и в 1881 г. – 430». [14, с. 568]. Включая, 3 единоверческие церкви и 1 молитвенный дом [17, с. 75; 171; 260; 292; 315]. Здесь необходимо сделать некоторое пояснение. Известно, что в ст. Верхне-Каргальской вместо ранее сгоревшей единоверческой церкви была «... в 1877 году построена новая деревянная же за 1000 рублей», но уточнений, что она получила статус «единоверческой» нет [15, с. 304].

Отдельное внимание следует уделить качественному анализу оригинальной источниковой базы, в рамках которой выделяется целый ряд синхронных и аутентичных свидетельств: вышедшее в свет в 1897 г. «Полное собрание сочинений Никольского единоверческого монастыря архимандрита Павла», периодическую печать «Донские епархиальные ведомости» и письма старообрядческого духовенства, начётчиков. Содержательные фрагменты рассматриваемых нарративов позволяют реконструировать сложный комплекс исторических явлений, связанных с миссионерской деятельностью епархиальных властей. В частности, опубликованная работа архимандрита Павла (Прусского) сообщает о

специальных поездках в разные губернии Российской империи, в том числе и на территорию Области Войска Донского с целью систематического проведения миссионерских бесед с местными «раскольниками». Подобная деятельность имела циклический характер, вовлекая в проповедническую и коммуникационную активность православных служителей из Казани, Москвы и других имперских центров. Новые участники миссионерской деятельностью обладали высокой образованностью, значительным опытом индивидуальных и групповых проповедей, психологической устойчивостью, необходимой для успешной работы в не всегда дружественной среде. Однако следует выделить и то существенное обстоятельство, что значительную роль в системном продвижении православного миссионерства играли административные практики, определяемые комплексной поддержкой местных властей. По справедливому замечанию информированного современника, «обращением староверов занимались не столько духовенство ... сколько исправники и администрация заводов и селений» [7, с. 159]. А.С. Палкин отмечает и тот важный момент, что «в первые годы правления Александра II единоверие развивалось по инерции, приданной ему в николаевский период», добавим, что аналогичным образом происходили присоединения по новому обряду [7, с. 128–129].

В 1873 г. осуществляется первая поездка на Дон по благословию «...высокопреосвященного Платона, архиепископа Донского и Новочеркасского» [8, с. 369]. 21 января архимандрит Павел (Прусский) отправился из столицы донского казачества в верховья Дона. Павел направился в Новочеркасск потому, что в казачьей столице уже имелась единоверческая церковь. «В 1870 г. по распоряжению епархиального начальства была передана единоверцам» [17, с. 291]. Следует отметить, что в исследуемый период о Павле на Дон приезжал несколько раз, причем пастырские визиты требуют специальной целевой классификации. Первая носит разведывательный характер, локализованы места расположения «раскольников», а также уточнены своеобразные конфессиональные направления. Например, «В станице Богоявленской... здешние раскольники толкуют все в Писании иносказательно, или по их выражению, духовно. Как безпоповцы толкуют об антихристе, так они толкуют даже и о Христе, отрицают Христово воплощение, чудеса Его, бытие Пресвятыя Богородицы и Апостолов» [7, с. 378]. Второй – закрепление результатов его деятельности, в рамках которых наблюдаются определенные противоречия, о них пойдет речь в рассмотрении третьего вида источника.

Основные инструменты своеобразной миссионерской активности заключались в оформлении торжественных богослужений по «обряду еди-

новерия» и индивидуальных собеседованиях с «уклонившимися». Благодаря частным и публичным собеседованиям выявлялись причины отсутствия желания некоторых старообрядцев участвовать в дискуссиях о предметах веры. Первой причиной являлась богословская безграмотность. Например, «о. Иоанн (Севастьянов – В.К.) принял нас ласково, но вести с нами беседу о причинах отделения от церкви отказался, извиняясь недостатком сведений в Писании» [7, с. 370]. Действенными были просьбы старообрядческого священства не ходить на них (беседы) «запрещает старообрядцам вступать в беседы о предметах веры...» [3, л. 1–1об.]. В результате миссионерской деятельности архимандрит Павел (Прусский) провел последовательные собеседования со старообрядцами в 28 станицах и хуторах. «Число воссоединившихся с православием благодаря таким поездкам в 1873, 1874 и 1878 гг. составило 150 чел. [7, с. 375; 419]. К указанному числу можно отнести и бывшего старообрядческого священноиерея Иоанна (Севастьянова), активно участвовавшего в дальнейшей просветительской работе отдельных православных приходов. Следует также обратить особое внимание на известных миссионеров, повлиявших на рассматриваемый переход старообрядческого священнослужителя в «господствующее исповедание». Вместе с упомянутым о. Павлом целенаправленно действовал собрат по «противо раскольнической деятельности» иеромонах Пафнутий, который и подготовил почву для большей результативности исследуемой миссии. Опережая события, отметим, что в 1890-е гг. иеромонах Пафнутий будет долго раздумывать о возможном возвращении в «раскол», в конечном итоге состоится обратный переход в старообрядчество, после чего выйдет в свет немало брошюр, в которых подробным образом будут описаны изначально «корыстные цели» и охарактеризована «неискренность побуждений» непоследовательного церковного служителя. Привлекательный образ православного священника обретет негативный оттенок, а личные качества и просветительская деятельность будут сопряжены с исключительно отрицательными оценками. Он станет своеобразным «католическим иезуитом», отвергшим раскрытые объятия истинной церкви. Однако, в контексте представленного исследования необходимо вернуться к благоприятному оценочному периоду, когда иеромонах Пафнутий является ревнивым тружеником на традиционной ниве «господствующего исповедания».

В 1869–1870-е гг. на Нижнем Дону о. Пафнутий проводил активные собеседования, чем подорвал сложившийся авторитет местных старообрядцев. После миссионерского дискурса они обратились к о. Иоанну со словами «мы вас просим, батюшка, ради Бога не ходить на эти беседы...» [16, с.

32–45]. Следует обратить внимание на достаточно любопытную социальную и теологическую ситуацию, когда старообрядческая община просит собственного иерея не участвовать в богословских диспутах. Однако, непослушный священнослужитель поступал по собственному разумению, а потому неоднократно участвовал в текущих собеседованиях православных миссионеров. Вскоре, он переходит в «единоверческое исповедание» и уже в 2-3 февраля 1879 г. рукополагается в священную степень, а в 1889 г. становится настоятелем крупнейшей по масштабам Успенской единоверческой церкви в г. Новочеркасске.

Следующим видом миссионерской деятельности было учреждение по благословению Святейшего Синода в 1869 г. церковного периодического издания – «Донских епархиальных ведомостей», одна из основных целей которого заключалась в последовательной публикации пастырских поучений донского духовенства «...преимущественно бесед, направленных к ослаблению суемудрых толков, суеверий...» [4, с. 691]. Кроме того, на доступных страницах рассматриваемой периодики в 1870-х гг. имеются разнообразные публикации о продолжающейся борьбе с «расколом», которые можно условно разделить на три тематические группы: 1) локальные центры старообрядчества в области; 2) исторические материалы Великого Московского собора 1666–1667 гг.; 3) религиозная полемика на местах духовенства и мирян со старообрядцами. Традиционно, в периодических изданиях рассматриваемого периода можно увидеть географическую локализацию своеобразных центров конфессионального дискурса – Второй Донской, Первый Донской и Усть-Медведицкий округа. Однако, указанные фактические данные не соответствуют исторической действительности, отраженной в эмпирическом содержании синхронных и типологически дифференцированных источников. «Ведущим в 1863 г. был Второй Донской округ – 35,3 %, а Первый Донской – 12,6 % занимал вторую позицию» [6, с. 211–216]. Но к 1873 г. как фактическая, так и формальная ситуация существенно изменилась, так как «раскольников разных сект» насчитывалось 38 801 мужского пола и 41 460 женского пола (80 261. – В. К.)» [8, с. 442]. В динамично развивающейся обстановке Первый Донской округ выходил на первое место. Второй пункт или тематическая группа характеризовалась системной подборкой профильных публикаций, характеризующих общую справедливость проводимой реформы, догматическую, каноническую и историко-культурную необходимость пастырской и миссионерской деятельности.

В третьем пункте приводятся различные примеры практического использования универсальных «противораскольнических» практик – масштабная раздача специальных брошюр, коллективные беседы с «раскольниками», а также

актуализируется важность церковной проповеди. Причем, на общеимперском пространстве доминировал дихотомический подход, имевший в качестве естественных целей комплексную передачу базовых знаний и религиозную мобилизацию против «раскольничества». Следует отметить, что целенаправленное проведение индивидуальных собеседований сводилось к двум случаям: семейный или индивидуальный переход в «раскол» и осознанная попытка системного возвращения священника в официальную институцию. Применительно ко второй ситуации особую роль играла корпоративная заинтересованность духовного лица в интеллектуальном взаимодействии, осуществлявшемся в межконфессиональном пространстве.

Следующим видом рассматриваемых источников являются особые письма старообрядческих начетчиков и духовенства, содержащие значительный массив интересных сведений. В данном контексте следует выделить эпистолярные объекты, которые касаются как личных диалогов между священством и мирянами, так и коммуникационного взаимодействия главных борцов за духовную истину – единоверческого архимандрита Павла (Прусский) и старообрядческого богослова Иустина Картушина. О последнем неоднократно велась оживленная переписка между московским старообрядческим архиепископом Антонием (Шутовым) и донскими священством, в которой отмечалось: «данный ему дар от Бога словесности ... может записать всем хитрым Павловым обольщениям» [12, л. 11–12 об.]. В 1873 г. в хут. Попкове состоялась значимая встреча двух лидеров, являвшихся эрудированными богословами и опытными полемистами. Православный иерей не зафиксировал в собственном сочинении важные впечатления от состоявшейся беседы, однако сохранилось интересное письмо И. Картушина с интересными оценками пространного диалога: «Беседа Ваша со мною в начале, так и пятичасовое продолжение по причине противоположных убеждений представляла посорище соперников». Не все книги, на которые старообрядческий начетчик ссылался, были при нем: «после встречи я выписал из многих малыя, представляю Вам сию рукопись, содержащую тексты полемических книг» [11, л. 189–189 об.]. Следует отметить то существенное обстоятельство, что архимандрит не отправил ответное послание. Дополнительным испытанием для старообрядческих интеллектуалов являлись профильные беседы с православными миссионерами без братьев по вере. Согласно интересному описанию о. Симеон (Архипов): «...победы надо мной я не чувствую ... только сражаться одному неудобно, а нужно товарищество, без которого и не был Павел» [13, л. 145–146 об.]. Примечательно, что о. Павел не включил приведенный любопытный в собственное

подробное сочинение. Осторожный архимандрит не отразил в рассматриваемом тексте и личные эмоциональные переживания, о которой также сообщает о. Симеон «... до трех раз допускал он на меня кричать по-ямщицки своих односторонников...» [10, с.17]. Подобные «аргументы» описывает и о. Павел, для которого интеллектуальные оппоненты «вознамерились пополнить свои доказательства шумом...» [10, с. 21]. При внимательном обращении к данным текстам можно отметить принципиальную схожесть поведенческих моделей противоположных сторон, обращенных к разным теологическим парадигмам. С одной стороны, авторская интерпретация рассматриваемых событий отличается значительной субъективностью, определяемой как личными качествами, так и конфессиональной принадлежностью. Исследуемые авторы осуществляют своеобразную информационную цензуру, связанную с последовательной передачей эмпирического материала вторым и третьим лицам. Как представляется, можно согласиться с оригинальным мнением о. Павла (Прусского) о том, что не имеет особого смысла повторять «предмет собеседования». С другой стороны, православные иерей и миссионер тщательно скрывал или видоизменял упоминаемые неудачные беседы. Аутентичным примером подобного игнорирования неудобных сюжетов служат опубликованные «Письма Павла Прусского», изданные в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете в 1904 г. (хронологических ракурсов эпистолярных фрагментов сосредоточено на 1868, 1876, 1878 гг.) [9]. Что же касается старообрядческого подхода к комплексному освещению рассматриваемого теологического дискурса, то он предполагал последовательное освещение дискурсивной практики с естественным акцентом на ангажированное описание официальных представителей православной церкви. С другой стороны, они также склонны сводить описание собственных неудач к малозначительным оговоркам и словесным кружевам: «...защитит свое священство был вполне способен ...» [12, с. 21].

Таким образом, проведенное исследование позволило рассмотреть сложный процесс комплексной активизации миссионерской деятельности в контексте стабильно-пассивного состояния регионального «раскола», связанного с системным поиском новых подходов к своеобразному «уврачеванию» давнего заблуждения. Осуществленный анализ аутентичного источникового комплекса позволил сформировать целый ряд интересных наблюдений, имеющих прикладной характер. С одной стороны, в рассмотренном сочинении архимандрит Павел (Прусский) представляет своеобразную локализацию донских старообрядцев, вносит необходимые уточнения о реальном характере официальных и неформальных взаи-

моотношений отдельных представителей официального православия и местных «раскольников», а также конкретизирует дифференцированную интеллектуальную картину старообрядческого вероучения, что позволяет адекватно понять распространенную формулировку официальных делопроизводственных материалов - «учение которых неопределенно». С другой стороны, опытный миссионер редко упоминает о проведенных собеседованиях, в которых было зафиксировано дискуссионное равенство участвующих сторон. Он предпочитает не сообщать потенциальной аудитории о проигранных диспутах, иногда ограничиваясь малозначительной фразой «мирно разошлись». Следует отметить также и то суще-

ственное обстоятельство, что профильные сообщения в донской церковной периодике отражают разные варианты перманентной борьбы с «расколом», не скупясь на оскорбительные выражения – «раскольники», «секта», «лже-иерархия». Наконец, эпистолярное наследие старообрядческого духовенства, начетчиков и мирян помогают сформировать альтернативный взгляд на миссионерские материалы, отражают системную актуальность поднимаемых вопросов, позволяют адекватно понять логические методы внутренней структуризации проводимых собеседований, увидеть верифицированную реакцию на неудобные вопросы со стороны донских старообрядцев.

Источники и литература

1. Агафонов А.И. Донские казаки. Грудь в крестах ... Из истории пожалований, наград и знаков отличия донского казачества XVI – начало XX вв. Ростов н/Д.: Омега Паблшер. 2012. 461 с/
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 353. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 9278.
4. Донские епархиальные ведомости. 1869. №42.
5. Кальниченко В.Н. Миссионерская работа по преодолению раскола на территории Донской епархии в 1890–1900 гг. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России Юга России (VIII Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 17–18 мая 2019 г.) / отв. ред. к.и.н. А. Л. Бойко, д.ф.н. А. В. Яровой. Ростов н/Д.: Изд-во «Альтаир», 2019. С.72 – 77.
6. Кальниченко В.Н. Единоверие на территории Области Войска Донского в 1840–1905 гг.: от образования к функционированию в регионе // XXVII Сретенские чтения: Материалы Всероссийской (национальной) научно-богословской конференции с международным участием (Москва, 19–20 февраля 2021 г.) / сост. З. М. Дашевская. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2021. С.211 – 216.
7. Комолова Е.В. Воронежская епархия в конце XVII–XVIII вв.: образование, церковная организация, социально-политические отношения. – Воронеж. – 2007. URL: <https://www.prlib.ru/item/327629> (дата обращения 11.01.2021).
8. Область Войска Донского по переписи 1873 года. Книга 5. Новочеркасск, б.м., 1879. б.п.
9. Оглобин Н. Н. Письма Павла Прусского (опубликованные и неопубликованные). М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1904. 12 с.
10. Палкин А.С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 338 с.
11. Полное собрание сочинений Никольского единоверческого монастыря настоятеля Архимандрита Павла. Первое посмертное издание Братства св. Петра митрополита. Т. 2. М.: Братство св. Петра митрополита, 1897. 576 с.
12. Перетяtko А.Ю. Цена крови: документы 1860–1890 гг. о эффективности казачества как экономического института: документальное исследование / А.Ю. Перетяtko: в 3 т.; Т. 1. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. 530 с.
13. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1268. Оп. 14. Д. 66.
14. РГИА. Ф. 1268. Оп. 16. Д. 150.
15. Сочинения / Иоанн (Картушин), архиепископ Московский; Архивно-библиотечный отдел Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ. Подгот. текстов к изд., научн. ред., сост., прим. В.В. Боченкова. М.: Маргарит, 2012. 559 с.
16. Российская государственная библиотека (далее – РГБ). Ф. 246. Карт. 209. Ед. хр. 4.
17. РГБ. Ф. 246. Карт. 177. Ед. хр. 1.
18. РГБ. Ф. 246. Карт. 179. Ед. хр. 2.
19. Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск: Обл. правл. Войска Донского, 1884. 762 с.
20. Сулин И. Краткое описание станиц Области Войска Донского // Донские епархиальные ведомости. 1893. 15 апреля. № 7-8.
21. Халдаев Е.А. Три поколения Севастьяновых. Неизбежность выбора // Донской временник. Год 2021-й / Дон. гос. публ. б-ка. . Вып. 29. Ростов н/Д.: 2021. С. 34–54.
22. Шадрин А.В. Храмы Донской и Новочеркасской епархии конец XVII века – 1920 г. Справочник / отв. редактор А.В. Венков. Ростов н/Д: Антей, 2014. 440 с.

References

1. Agafonov A.I. Donskie kazaki. Grud' v krestah ... Iz istorii pozhalovanij, nagrad i znakov otlichija donskogo kazachestva XVI – nachalo XX vv. (Don Cossacks. Chest in crosses ... From the history of awards, awards and insignia of the Don Cossacks of the 16th - early 20th centuries). Rostov-on-Don: Omega Publisher. 2012. 461 p. (In Russian).
2. State Archives of the Rostov Region (GARO). F. 353. Inv. 1. D. 1. (In Russian).
3. GARO. F. 226. Inv. 3. D. 9278. (In Russian).
4. Donskie eparhial'nye vedomosti. 1869. No.42. (In Russian).

5. Kal'nichenko V. N. Missionerskaja rabota po preodoleniju raskola na territorii Donskoj eparhii v 1890–1900 gg. (Missionary work to overcome the schism in the territory of the Don diocese in 1890-1900) // *Vojna i voinskie tradicii v kul'turah narodov Juga Rossii Juga Rossii (VIII Tokarevskie chtenija): Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (g. Rostov-na-Donu, 17–18 maja 2019 g.) / ed by A.L. Bojko, A.V. Jarovoj. Rostov-on-Don: Al'tair, 2019. P.72 – 77. (In Russian).
6. Kal'nichenko V. N. Edinoverie na territorii Oblasti Vojska Donskogo v 1840–1905 gg.: ot obrazovanija k funkcionirovaniju v regione (Unity on the territory of the Don Cossack Region in 1840-1905: from education to functioning in the region) // XXVII Sretenskie chtenija: Materialy Vserossijskoj (nacional'noj) nauchno-bogoslovskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Moskva, 19–20 fevralja 2021 g.). Moscow: Svjato Filaretovskij pravoslavno-hristianskij institut, 2021. P.211 – 216. (In Russian).
7. Komolova E. V. Voronezhskaja eparhija v konce XVII–XVIII vv.: obrazovanie, cerkovnaja organizacija, social'no-politicheskie otnoshenija (Voronezh diocese at the end of the 17th – 18th centuries: education, church organization, socio-political relations). – Voronezh. – 2007. URL: <https://www.prlib.ru/item/327629> (Accessed: 11.01.2021). (In Russian).
8. Oblast' Vojska Donskogo po perepisi 1873 goda (Region of the Don Cossacks according to the 1873 census). Book 5. Novocherkassk, b.m., 1879. b.p. (In Russian).
9. Oglobin N. N. Pis'ma Pavla Prusskago (opublikovannye i neopublikovannye) (Letters from Paul of Prussia (published and unpublished)). Moscow, 1904. 12 p.
10. Palkin A. S. Edinoverie v seredine XVIII – nachale XX v.: obshherossijskij kontekst i regional'naja specifika (Unity in the middle of the 18th - early 20th centuries: the all-Russian context and regional specificity). Ekaterinburg: USU publ., 2016. 338 p. (In Russian).
11. Polnoe sobranie sochinenij Nikol'skogo edinovercheskago monastyrja nastojatelja Arhimandrita Pavla. Pervoe posmertnoe izdanie Bratstva sv. Petra mitropolita (Complete Works of the Nikolsky Monastery of the Same Belief, Rector Archimandrite Paul. The first posthumous edition of the Brotherhood of St. Peter the Metropolitan). Vol. 2. Moscow: Bratstvo sv. Petra mitropolita, 1897. 576 p. (In Russian).
12. Peretjat'ko A.Ju. Cena krovi: dokumenty 1860–1890 gg. o jeffektivnosti kazachestva kak jekonomicheskogo instituta: dokumental'noe issledovanie (The price of blood: documents from 1860-1890. on the effectiveness of the Cossacks as an economic institution: documentary research) / A.Ju. Peretjat'ko: In 2 Vols; Vol. 1. Rostov-on-Don; Taganrog: Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta, 2019. 530 p. (In Russian).
13. Russian State Historical Archives (RGIA). F. 1268. Inv. 14. D. 66. (In Russian).
14. RGIA. F. 1268. Inv. 16. D. 150. (In Russian).
15. Sochinenija / Ioann (Kartushin), arhiepiskop Moskovskij; Arhivno-bibliotechnyj otdel Mitropolii Moskovskoj i vseja Rusi RPSC (Works / John (Kartushin), Archbishop of Moscow; Archive and library department of the Metropolitanate of Moscow and All Russia RPSTs). Moscow: Margarit, 2012. 559 p. (In Russian).
16. Russian State Library (RGB). F. 246. Box. 209. D. 4. (In Russian).
17. RGB. F. 246. Box. 177. D. 1. (In Russian).
18. RGB. F. 246. Box. 179. D. 2. (In Russian).
19. Statisticheskoe opisanie Oblasti vojska Donskogo (Statistical description of the region of the Don army). Novocherkassk: Obl. pravl. Vojska Donskogo, 1884. 762 p. (In Russian).
20. Sulin I. Kratkoe opisanie stanic Oblasti Vojska Donskogo (Brief description of the villages of the Oblast of the Don Troops) // *Donskie eparhial'nye vedomosti*. 1893. April 15. No. 7-8. (In Russian).
21. Haldaev E. A. Tri pokolenija Sevast'janovyh. Neizbezhnost' vybora (Three generations of the Sevastyanovs. The inevitability of choice) // *Donskoj vremennik*. 2021. Issue. 29. Rostov-on-Don: 2021. P. 34–54. (In Russian).
22. Shadrina A.V. Hramy Donskoj i Novocherkasskoj eparhii konec XVII veka – 1920 g. (Temples of the Donskoj and Novocherkassk dioceses late 17th century - 1920) Handbook / ed by A.V. Venkov. Rostov-on-Don: Antej, 2014. 440 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры конфликтологии и национальной безопасности, руководитель центра исследований Большого Кавказа института социологии и регионоведения Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия) / tirpizn@sfnu.ru

Кальниченко Владислав Николаевич – магистрант института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия) / kalnichenko_97@mail.ru

Германовская Наталья Сергеевна – главный архивист отдела формирования архивного фонда Государственного архива Ростовской области (Ростов-на-Дону, Россия) / n.germanovskaya@yandex.ru

Information about the authors

Trapsh Nikolay A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Conflictology and National Security, Head of the Center for Studies of the Greater Caucasus, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia) / tirpizn@sfnu.ru

Kalnichenko Vladislav N. – Master student, Institute of History, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia) / kalnichenko_97@mail.ru

Germanovskaya Natalya S. – Chief Archivist, State Archives of the Rostov Region (Rostov-on-Don, Russia) / n.germanovskaya@yandex.ru